

ЦВЕТ, ЦВЕТЫ И ДЕРЕВЬЯ В СБОРНИКЕ ИВАНА ГРУЗИНОВА «МАЛИНОВАЯ ШАЛЬ»: К ВОПРОСУ О ЕСЕНИНСКОМ КОНТЕКСТЕ

© 2025 г. Т.А. Тернова

Аннотация: Предметом внимания в статье стал сборник И. Грузинова «Малиновая шаль», в котором как на уровне проблематики, так и в разработке цветовой палитры ощущается влияние творчества С. Есенина. Цветовая палитра лирики Грузинова насыщенная, используются конкретные, чистые цвета. Цветообозначения прямые (розовый, зеленый) и косвенные (одуванчик, лягушка). Цветовая образность определяет особенности фитопоэтики Грузинова: ландшафт в его текстах одушевлен, при этом изображение условно, образы деревьев (сосна, береза, ольха и др.) частотнее образов цветов (колокольчик, одуванчик и др.). В целом образы растений несамодостаточны, они служат для раскрытия центральной линии лирического сюжета сборника — разговора о жизненном пути, течении времени.

Ключевые слова: Иван Грузинов, Сергей Есенин, «Малиновая шаль», цветопоэтика

Информация об авторе: Татьяна Анатольевна Тернова — доктор филологических наук, профессор, Воронежский государственный университет, Университетская пл., д. 1, 394006 г. Воронеж, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9237-854X>

E-mail: tternova-1@mail.ru

Для цитирования: Тернова Т.А. Цвет, цветы и деревья в сборнике Ивана Грузинова «Малиновая шаль»: к вопросу о есенинском контексте // Сергей Есенин в контексте русской и мировой культуры / науч. и отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН; Константиново: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2025. С. 445–455. — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-445-455>

COLOR, FLOWERS AND TREES IN THE “RASPBERRY SHAWL” BY IVAN GRUZINOV: TOWARD THE QUESTION OF THE ESEININ’S CONTEXT

© 2025. Tatiana A. Ternova

Abstract: The article focuses on I. Gruzinov’s collection “Raspberry Shawl”, in which the influence of S. Esenin’s work is felt both at the level of the subject matter and in the development of the color palette. The color palette of Gruzinov’s lyrics is saturated, using specific, pure colors. The color designations are direct (pink, green) and indirect (dandelion, frog). Color imagery determines the features of Gruzinov’s phytopoetics: the landscape in his texts is animated, while the image is conventional, the images of trees (pine, birch, alder, etc.) are more frequent than the images of flowers (bell, dandelion, etc.). In general, the images of plants are not self-sufficient, they

serve to reveal the central line of the lyrical plot of the collection — a conversation about the path of life, the flow of time.

Keywords: Ivan Gruzinov, Sergey Esenin, "Raspberry Shawl", color poetry

Information about the author: Tatiana A. Ternova, DSc in Philology, Professor, Voronezh State University, Universitetskaya Sq., 1, 394006 Voronezh, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9237-854X>

E-mail: tternova-1@mail.ru

For citation: Ternova, T.A. "Color, Flowers and Trees in the 'Raspberry Shawl' by Ivan Gruzinov: Toward the Question of the Esenin's Context." *Sergey Esenin in the Context of Russian and World Culture*: Acad. and ex. ed. Natalia I. Shubnikova-Guseva. Moscow, IWL RAS Publ.; Konstantinovo, The State Museum Reserve of S.A. Esenin, Publ., 2025, pp. 445–455 (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-445-455>

«Малиновая» шаль» Ивана Грузинова (М.: Современная Россия, 1926) — сборник, ознаменовавший начало нового творческого этапа в поэтической биографии автора. Выход И. Грузинова совместно С. Есениным из группы имажинистов, произошедший в 1924 г., был предопределен нерешенностью задач, которые он ставил перед собой.

Покинув группу, Грузинов избирает для себя творческий ориентир в области поэзии реалистического толка. Знаковой фигурой в литературе для него становится С. Есенин. И. Грузинов — автор мемуарных текстов о Сергее Есенине («Есенин», «О смерти Есенина», «С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве»). В воспоминаниях, озаглавленных «Есенин», дана хронология взаимоотношений двух поэтов, открывающаяся 1918 г.

Не имея намерений воспроизводить историю этих взаимоотношений, остановимся на эстетической стороне воспоминаний Грузинова. Одним из показательных моментов в них становится обилие портретов, причем выполненных по принципу перечня: «Одет он был в коротенькую русскую поддевку нараспашку. Длинная белая рубаша, почти такой же длины, как поддевка. Поясок. Сияли длинные курчавые волосы, светлые, как золотистый лен. Стоял в дверях и ко-му-то улыбался»¹. Каталогный принцип подачи образа — одна из показательных черт поэтики Грузинова (вспомним его стихотворения из сборника «Бубны боли»). Также характерна для него и парцелляция, которая позволяет сделать акцент на отдельных деталях изображения: «Есенин оживлен. Говорит тихо и таинственно. С видом заговорщика. Беззвучно смеется. Смеется так, что глаз не видно. Вместо глаз узкие щелки. Рот полуоткрыт, под глазами детский морщинки» (284). Портрет Есенина в изображении Грузинова явно несет отдельные черты мифологизации, делая образ принадлежащим уже не столько полю жизни,

¹ Грузинов И.В. Собрание сочинение / [сост., послесл. и коммент. О. Демидова]. М.: Водолей, 2016. С. 283. Далее это издание цитируется в тексте с указанием страницы в круглых скобках.

сколько полю искусства: «волосы светлые, как золотистый лен» (283). Портрет вызывает у пишущего разного рода ассоциации, становясь частью его собственного художественного мира: «Напоминает сельского учителя» (284).

Есенин в изображении Грузинова предстает, прежде всего, как поэт, для которого жизнь — источник творчества (так, он видит в лирике Есенина указания «на автобиографический характер его стихов» (286)), поэзия — способ выражения эмоции и внутреннего мира: «Есенин буквально с какой-то нежностью любил коров. Это отражается в его стихах» (289).

Генезис поэзии Есенина Грузинов ведет от Пушкина, творчество которого значимо и для самого мемуариста: «Меня волнуют в этом стихотворении воскресающие пушкинские ритмы» (291).

Тип мышления Есенина во многом определяет в восприятии Грузинова его способность быть поэтом: «Есенин любил конкретно выражать свои мысли, любил наглядность в объяснении. Любил подкреплять свои мысли сравнениями», причем именно поэтом, а не прозаиком: «По-видимому, повесть его не удовлетворяла: в прозе он чувствовал себя слабым, слабее, чем в стихах» (314). Подчеркнута способность Есенина к рефлексии.

Способ есенинского мышления органичен, продуцирован его причастностью к народной культуре: «Образ для него, как и для народа, конкретен. Образ для него, как и для народа, утилитарен: утилитарен в особом, лучшем смысле этого слова. Образ для него это гать, которую он прокладывает через болото» (321).

Комментируя эстетическую поэзию Есенина, Грузинов отмежевывается от собственной причастности к имажинизму: «Он сказал, что расходитсЯ во взглядах на искусство со *своими друзьями-имажинистами*: некоторые из его друзей считают, что в стихах образы должны быть нагромождены беспорядочной толпой» (выделено нами. — Т. Т.). Конечно, это очевидное спрямление позиции имажинистов, даже стилистически расходящееся с работой самого Грузинова «Имажинизма основное». Здесь, по сути, мы встречаемся с примером характерной для Грузинова стилизации: он говорит о поэзии Есенина голосом неофита, который сам порожден крестьянской, народной культурой: «...я собирался устроить вечер народной песни. По моим предположениям, на вечер должны были петь поэты из народа и *мои деревенские друзья*» (333).

Грузинов хорошо знает поэзию Есенина, что следует из его мемуаров: «Дальше я привожу из Есенина целый ворох церковнославянских слов» (326).

Завершая мемуары «Есенин говорит о литературе и искусстве», Грузинов подчеркивает собственную самобытность — прежде всего, в теоретическом плане. Его Есенин говорит: «Я знаю твою линию в искусстве. Мы не совпадем» (335).

В теоретическом плане — возможно, а вот в плане эстетическом, в литературной практике — как раз наоборот, о чем свидетельствует сборник И. Грузинова «Малиновая шаль» (1926).

Как мы уже отмечали, одной из характерных черт поэтики Ивана Грузинова является умышленная стилизация. Его собственная поэтическая манера формируется из череды голосов литературных предшественников и современников. В сборнике «Малиновая шаль» доминирует претекст лирики Сергея Есенина. Первое стихотворение сборника, «Сумочку-котомочку за плечи повесил...», посвящено Сергею Есенину (59–60). Некоторые строки уже этого первого стихотворения буквально повторяют есенинские: «Чем живут, чем дышат на Руси» (ср. «И на этой, на земле угрюмой. Счастлив тем, что я дышал и жил» («Мы теперь уходим понемногу...»²)). Другие, содержащие стандартные для народной культуры образы, помимо есенинских, вызывают и прочие ассоциации, например: «Ой вы, нивы без конца и краю! / Ой, леса дремучие темны!» (ср. у С. Клычкова: «Ой, лес мой, луг мой, поле!...» («Милей, милей мне славы...»)³, у Есенина: «Ой ты, лес мой, хороводник, / Прибаюкай пришлеца» («Микола»)⁴, М. Исаковский: «Ой, туманы мои, растуманы, / Ой, родные леса и луга!»⁵).

Такие переключки-ассоциации встречаются и в других стихотворениях сборника: ср.: «Ах, водица ль моя ключевая! / Ах, сестрица ль моя лет в семнадцать!» (65) и Есенин «Я красивых таких не видел...» [I, 242–243]; «Пахнут волосы гвоздиками и воском» (60) и «Со снопом волос твоих овсяных...» («Не бродить, не мять в кустах багряных...» [I, 73])⁶.

Лирический сюжет стихотворения «Сумочку-котомочку за плечи повесил...» (59–60) основывается на ключевом для И. Грузинова мотиве дороги. Путь героя направленный — из города в деревню: «Не узнаешь из уютных кресел, / Чем живут, чем дышат на Руси». Вспоминается в этой связи лирический сюжет во многих текстах Есенина: «Письмо матери» [I, 179–180], «Я иду долиной на затылке кепи...»⁷ и мн. др. В отличие от есенинских текстов, где конечная точка маршрута лирического героя обозначена прямо — Родина, место

² Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1 / подгот. текстов и коммент. А.А. Козловского. С. 201. Далее указанный том цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.

³ И будет вечен вольный труд... Стихи русских поэтов о родине. М.: Правда, 1988. С. 4.

⁴ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1997. Т. 2 / подгот. текстов и коммент. С.И. Субботина. С. 13. Далее указанный том цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.

⁵ Исаковский М.В. Стихи и песни. М.: Гослитиздат, 1948. С. 65.

⁶ О значимости мотива запаха в лирике Есенина см.: *Curcan-Dróžka E.* Ольфакторий Сергея Есенина и особенности его воспроизведения в переводах на польский язык (на примере избранных произведений) // *Acta Universitatis Lodzianensis — Folia Litteraria Rossica*. 2023. Issue 16. P. 85–100; *Рогачева Н.А.* Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX вв. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2010. 403 с.

⁷ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1997. Т. 4 / сост., подгот. текстов и коммент.: С.П. Кошечкин, Н.Г. Юсов. С. 224–225. Далее указанный том цитируется в тексте в квадратных скобках с указанием страницы, том обозначен римской цифрой.

жительство матери, у Грузинова этот итог пути только намечен, дан в общем виде: «В путь иду, пути не выбираю...» «Там и сям присела деревенька...» (59) Мир деревни описан Грузиновым устойчивыми знаками: нивы, косы, ставни, кони на крыше, рогожа. Деревня Грузинова соотносена не только с русской, но и с мордовской национальной культурой: «На платках узор мордовский вышит» (59) — не в ее современном, а в архаическом наполнении. Его деревня органически хранит свои корни: «Елки-палки! Да ведь это то же, что видал когда-то Олеарий» (59)

Подобно Есенину (да и не только ему) Грузинов показывает деревню и Русь в целом на перекрестке исторического пути: «Дым от поезда колечком голубым. / Уж не зря ты выдумал, пиита, / Будто б вздернута Россия на дыбы!» (60) Естественен в этой связи значимый для Есенина контекст пушкинского «Медного всадника».

Лирический герой стихотворений Грузинова (см., например, «Говори со мной как можно проще...» (60)) — человек с судьбой, подобной судьбе есенинского лирического героя. В его душе есть исчерпанность и желание найти гармонию и простоту: «Я от книжной мудрости устал. / Мне теперь ручей поет за рошей, / У костра синее береста» (60). Возвращаясь с деревню (абстрактную у Грузинова), он оказывается в мистическом мире: «Каждый вечер из туманов синих / Синие русаловьи глаза» (60). Несмотря на обещание любви («Платье в розовую полоску / Развевается на ветру» (60)), гармония которой обещана самой связью героини с природой, лирический герой Грузинова вступает в деревенский мир с опаской: «Ни лесник, ни леший мне не страшен <...> Я меня не раз в багрец окрашен нож» (60).

Первое стихотворение можно считать своеобразным ключом к сборнику, задающим использованные в нем образы и приемы. Как и в стихотворении «Сумочку-котомочку за плечи повесил...», в других текстах при создании образа неоднократно окажется значимым цвет: «Каждый вечер от туманов синих / Синие русаловьи глаза» (60), «И пока в крови цветет голубизна...» (68). Причем цветовой эпитет, подобно тому, как это бывает у Есенина, имеет выразительный, а не изобразительный характер (см.⁸ и др.).

Отношения лирического героя Грузинова с природой выстраиваются одновременно как отношения гармонии и доминирования: «И ветви шепчут: тяжело нам, / И ветви просят: помоги нам. <...> И звери мне покорны: властвуй!» (69) (ср.: «А как обладающий даром / Укрощать дураков и зверей» («Страна Негодя-

⁸ Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1989. 302 с. Коко-рин С.А. Поэтика цвета как средство отражения внутреннего мира лирического героя в поэтическом тексте С.А. Есенина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 163.

ев»⁹). Характерный для народной культуры и поэзии Есенина образ журавля наделяется у Грузинова традиционной семантикой, становясь обозначением дороги, прощания, печали: «Не улетишь, не улетишь / За журавлиным караваном» (70) (ср.: «Полюбил я тоской журавлиною / На высокой горе монастырь» («За горами, за желтыми долами...» [I, 22])). Ценность земного мира определяется скоротечностью человеческой и природной жизни: «Потому-то и люблю вот эти / Солнцем напоенные поля...» (73) (ср.: «Оттого и дороги мне люди...» («Мы теперь уходим понемногу...» [I, 202])). Отношения с миром людей складываются противоречиво. С одной стороны, в текстах звучит скорбь о человеке с его смертностью: «Из страны блаженных не ответят...» (73) (См. «Мы теперь уходим понемногу...» [I, 201–202]), «Не жалею, не зову, не плачу...» [I, 163–164]), с другой — осознание одиночества героя в новом времени: «Славословить никого не стану, Никого не стану проклинать...» (73), «Что мне те, идущие за мною! / Им свое, для них не стоит жить» (75) (см. «Чужая юность брызжет новью...» («Спит ковыль. Равнина дорога...» [I, 226])).

Новое время понимается в сборнике Грузинова, в отличие от поэзии Есенина, не в социальном плане (что более трагично), а в цивилизационно. Маркерами этой новой реальности становятся поезд: «дым от поезда колечком голубым» (60) (ср. «Сорокоуст» Есенина [II, 81–84]), асфальт: «Душные асфальты надоели» (62).

Мир города у Грузинова, как и у Есенина, — это мир страстей. Ср. «Докучают ласки любви» (62), «...целую волосы и плечи, / Женщин, говорил: не та, не та» (75) и «Город» («Храня завет родных поверий...») [IV, 104–105]) Мир деревни — мир чистоты человеческих отношений, чистоты девичьей: «Пахнут волосы гвоздиками и воском / И как яблоко упруга грудь!» (60). Мир города нарочито усложнен, наполнен пустословием: «Говори со мной как можно проще, / Я от книжной мудрости устал» (60).

Знак Руси прежней — шаль (девушка в белой накидке?) (см. стихотворение «Малиновая шаль»: «Взлетела шаль с девичьих плеч», «Русь моя, малиновая шаль!», «Только ты везде мне будешь снится, / Русь моя, малиновая шаль!» (76) Русь и шаль — в далеком прошлом героя, от которого он уже ушел (в город) и от которого собирается уйти и дальше, «в чужие страны» (76), увидеть «океанский вал седоволосый» (76). Разрыв с Русью как точкой отсчета пути произошел давно: «Полустертые воскресли имена <...> С кем проститься мне? Прощаться не с кем» (76). Состояние героя — «холод сердца», а Русь — лишь в снах: «будешь снится».

Герой Грузинова — путник: «Запыленный путник, отдохни...» (46); «Я вышел поздно. Полдень синий...» (69); «Ах, дорога ли моя, дорога далека! <...> Не-

⁹ Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. (9 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1998. Т. 3 / сост. и подгот. текстов Н.И. Шубниковой-Гусевой; коммент.: Е.А. Самоделова, Н.И. Шубникова-Гусева. С. 56.

проезжий, непрохожий путь я сам наметил...» (72); «Все равно, куда бежит мой путь...» (73) Но, как заявлено уже в первом стихотворении сборника, путь его, если и очевиден, то только по сути, а не по его конечной точке (это может быть и деревня, и природа, и океанские берега, когда путь к Руси остается только во сне), этот путь нередко приобретает характер блуждания: «Уж я не в силах променять...» (71).

Причина движения — состояние души героя (см. у Есенина «Грустно... Душевные муки...» [IV, 43], «За горами, за желтыми долами...» [I, 22] и мн. др.), результат его разочарованности, когда сам путь остается последней надеждой: «Путь далекий мне да незнакомый, Неужель и он меня обманет?» (77). Герой стремится разрешить свои противоречия самостоятельно.

Нередко он проявляет агрессию: детали, неоднократно появляющиеся в сборнике, — нож («У меня не раз в багрец окрашен нож...» (60), «Я учусь бесстрастью у ножа...» (67), дробовик:

Душные асфальты надоели,
Докучают ласки любви.
Есть у нас с тобой иные цели,
Неизменный друг мой дробовик! (62).

Целься верней, дробовик!
Ржавое, темное дуло... (66).

В герое есть нечто звериное: «Хорошо, что есть звериное в крови...» (72). Возможно, включение мотива в текст — реакция на тему хулиганства у Есенина. Но герой Есенина, скорее, жертва ножа: «кто-то мне в кабацкой драке саданул под сердце финский нож» («Письмо матери» [I, 179-180]).

Показателен для сборника «Малиновая шаль» мотив подведения итогов: «Вот один я с ношею земною / У последней роковой межи...» (75) (ср.: «Отговорила роща золотая» [I, 209], Мы теперь уходим понемногу...» и мн. др.). Итоги в случае Грузинова не окончательные: «Сотни лет пройдут, а я останусь...» (75), выход есть, хоть и предполагающий одиночество героя: «Мне теперь ручей поет за рощей...» (60), «Мне пора построить тихий домик...» (61). Его «теперь» противопоставлено «тогда», но имеет временную перспективу. Герой одновременно и печалится по поводу невозвратности «тогда», и не хотел бы возвращения (может быть, поэтому он не возвращается в свою Русь, довольствуясь снами о ней, и ищет обобщенную, а не конкретную деревню?): «Жизнь проходит, жизнь не повторится...» (63), «Ой, как жизнь оттягивает плечи!» (65), «Жизнь моя, нам некуда бежать!» (67), «Есть пределы, времена и сроки, / Каждый шаг расчислен у судьбы...» (68), «Я хочу немногого, не так ли?» (69), «Все проходит. Все. И не вер-

нута. / Да и возвращать бы не хотел...» (73). Сборник и заканчивается мотивом разрыва с прошлым: «Будет ждать березка, не дождется» (77).

Использование цветообозначений и образов цветов связано с проблематикой сборника «Малиновая шаль».

Лирика Грузинова отличается богатой цветописью. В ней используются разные цветовые обозначения: синий («...из туманов синих / Синие русаловьи глаза» (60)), голубой («вечерней голубизны» (61) — вечер неоднократно характеризуется эпитетами 'синий', 'голубой', «дым от поезда колечком голубым» (60)), розовый («улетают розовые птицы» (65)), белый («Милая, милая, ты ли / Фар-тучком белым блестишь» (66)), золотой — как обозначение мира, а не знак религиозной темы («Также ль златятся ресницы?» (66)), желтый («От позабытой дальней нивы / Густым потоком желтизна» (70, 71)).

В ряде случаев используются синестетические образы: «Розовеет бархат лягушат» (68). Цветовые обозначения среды и объекта совпадают: «Из туманов синих / Синие русаловьи глаза» (60),

Есть пределы, времена и сроки,
Каждый шаг расчислен у судьбы.
Лягушонку в голубой осоке
Суждено родиться голубым (68).

Использование цветообозначений становится не просто следствием желания описать среду, но и выражением философских размышлений автора о жизни и судьбе.

На символическую значимость цвета в лирике Есенина, на специфическую цветовую палитру его лирики, несомую ею философскую, онтологическую нагрузку обращали внимание многие исследователи (см.¹⁰ др.).

Цветопись Грузинова может быть воспринята в есенинском контексте. Ср.: «Будут поблескивать ставни резные / Розовым, синим, зеленым» (61) и

Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз... [I, 215]

Показателен для лирики Грузинова образ солнца, которое метафоризируется как «солнечное сито» (60), «золото червонное зари» (61), и изображение-описа-

¹⁰ Марченко А.М. Поэтический мир Есенина; Самоделова Е.А. Цветочные образы в творчестве новокрестьянских писателей Е.В. Честнякова и С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2017. № 1 (40). С. 66–69.

ние света вообще: «лунный луч» (61), «небесная слюда» (68): «Светится небесная слюда / В тонких крыльях полевых стрекоз» (68).

При всей образно-метафорической яркости, изображение природы дано Грузиновым в максимально обобщенном виде (травы, зелены, нивы, поля, леса и т. п.): «Ой, вы нивы без конца и краю! / Ой, леса дремучие темны» (59).

Нередко используются уменьшительные формы слов, что может свидетельствовать об отношении лирического субъекта к миру. Названия растений также чаще всего условны: «Бедный странник под кустом проснется» (59).

По наблюдению исследователя, в лирике Есенина лексема трава используется 47 раз, но также встречаются и конкретные обозначения травянистых растений: ковыль — 10, лебеда — 6, крапива — 5, камыш — 5, полынь — 4, используются и диалектные формы наименований: купырь — 3. Гораздо более частотны у Есенина упоминания злаковых: рожь — 17, овес — 14 — и цветов: роза — 23, василек — 7, резеда — 4 и т. п.¹¹.

Из акцентно обозначенных названий растений в «Малиновой шали» И. Грузинова можно отметить осоку («прибрежная осока» (67)), полынь («поцелуй что полынь горьки» (61)), одуванчик («плат зеленый надо тобой раскину, / Дышат одуванчики в тени» (63), «как одуванчик легкокрылый / Взлетела шаль с девичьих плеч» (74), колокольчик («Неживое сердце станет биться / Диким колокольчиком лесным» (75)), условные заморские цветы («Только зонтик, что цветок заморский, / Розовеет над косой девичьей» (77)). Гвоздика упоминается на уровне ольфакторного образа: «Пахнут волосы гвоздиками и воском» (60)).

Гораздо чаще в сборнике Грузинова появляются именованья деревьев: сосна (61, 62, 71), береза («изогнула береза спину» (63), «Будет ждать березка у колодца» (72)), осина («Каждый вечер лишь вздохнет осинник — / Словно хочет страшное сказать» (60)), клен («Будут шептаться под окнами клены; / Жилки сизые расправят клены, / Серебром начнет плотва плескаться» (68)), ракета («Иль шушукаются сельские ракиты» (71)), ольха («Шелестит листвою посоловелой / Ветхая забытая ольха» (74)).

В лирике Есенина, как известно, доминируют клены, ели, березы (см.¹²).

Использование образов растений и цветообозначений связано с проблематикой сборника И. Грузинова — это изображение человека в переходную для него эпоху; герой Грузинова, выходец из крестьянского мира, проходит, а по сути, завершает, свой жизненный путь в ситуации, когда «Будто б вздернута Россия на дыбы!» (59).

¹¹ Камаль Альдин Зейнаб Сафуан. Флористическая лексика Есенина. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 24 с.

¹² Марченко А.М. Поэтический мир Есенина.

Отсюда в тексте и символика времен года: весны как начала годового цикла и жизненного пути («Затрубит весна в рожок зеленый» (68)), осени как времени завершения, подведения итогов в природе и жизни человека («Ветви березы застыли. / Давит осенняя тишь» (66)). Интересно, что у Есенина изображается, скорее, поздняя осень («Отговорила роща золотая», «Клен ты мой опавший»), а у Грузинова — ранняя или даже ее ожидание, предчувствие «под листом желтозеленым» (69): «Огнем оранжевым по склону / Жнивья сбегает полоса» (69);

Скоро осень. Наглая синица
Прозвенит у светлого окна
Песенку насмешливую. Засребрится
Словно первый иней седина (67).

В сборнике Грузинова звучит призыв насладиться скоротечным мигом:

Я вышел поздно. Полдень синий.
В полях прозрачность. Тишь такая,
Что шелковинками полены
Едва колышет паука (69).

Ах, пока в крови цветет голубизна,
Сердце, примиришь и все прими.
Ведь я знаю, знаю, знаю —
Петь и дышать дано лишь краткий миг (68).

Природа воспринимает свою осень как естественный и потому недраматичный период: «И веткам в зареве румяном / Уж снится иней, снится тишь» (70). Человеку же свойственно скорбеть об уходе: «Солнце выпито. Звезда моя увянет» (64). Цвет, связанный в сборнике непосредственно с героем, — багряный, цвет крови, ржавчины: «У меня не раз в баgreц окрашен нож» (60), «Ржавое темное дуло» (66).

В то же время колорит лирики Грузинова нельзя назвать мрачным, ведь большая природная жизнь в его изображении ценна фактом своего существования, возможностью человеческого присутствия в ней:

Потому-то и люблю вот эти
Солнцем напоенные поля (73).

Резюмируем наши наблюдения. В сборнике Грузинова «Малиновая шаль» активно используется колоративная лексика, создаются разнообразные цвето-

образы. Цветовая палитра лирики насыщенная, используются конкретные, чистые цвета. Цветообозначения прямые (розовый, зеленый) и косвенные (одуванчик).

В разработке цветовой палитры художественного текста Грузинова (да и в целом в проблематике сборника) ощущается влияние поэтики Есенина. Цветовая образность определяет особенности филопоэтики Грузинова: ландшафт в его текстах одушевлен, при этом изображение условно, образы растений несамодостаточны, они служат для раскрытия центральной линии лирического сюжета сборника — разговора о жизненном пути, течении времени.

Список литературы

1. Камаль Альдин Зейнаб Сафуан. Флористическая лексика Есенина. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
2. Кокорин С.А. Поэтика цвета как средство отражения внутреннего мира лирического героя в поэтическом тексте С.А. Есенина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 161–165.
3. Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1989. 302 с.
4. Рогачева Н.А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX вв. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2010. 403 с.
5. Самоделова Е.А. Цветочные образы в творчестве новокрестьянских писателей Е.В. Честнякова и С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2017. № 1 (40). С. 60–70.
6. Curgan-Drózka E. Ольфакторий Сергея Есенина и особенности его воспроизведения в переводах на польский язык (на примере избранных произведений) // Acta Universitatis Lodziensis — Folia Litteraria Rossica. 2023. Iss. 16. P. 85–100.